

Татуировка:
конфликтный треугольник тела,
социума и знака

Константин Л. Банников
*Институт этнологии и антропологии РАН, Россия,
Москва, bannikoff@gmail.com*

Паоло Чианкони
*Католический университет, Рим,
Италия, psianco@gmail.com*

Аннотация. В статье представлен семиотический анализ практики татуирования с точки зрения проблемы социально-символических коммуникаций. Сопоставляются социальные, религиозные, информационные аспекты татуировок в архаических, традиционных и современных сообществах. Анализируются социальные смыслы знака и символа в репрезентации и самоидентификации личности. Исследуется область взаимодействия и конфликта индивида и нормативной культуры социума. Ставятся вопросы о смысловых значениях высказывания в области социальности и асоциальности, полисемантики и моносемантики. Статья написана на материалах импровизированного авторского интернет-опроса, информационным поводом для которого послужил конфликт одного французского воспитателя детского сада, практически полностью покрывшего свое тело татуировкой, и его работодателя.

Ключевые слова: татуировка, тело, знак, личность, социум, право, норма, девиантность, полисемантика, конфликт

Для цитирования: Банников К.Л., Чианкони П. Татуировка: конфликтный треугольник тела, социума, знака // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2022. № 1. С. 91–109. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-1-91-109

Tattoo. The conflict triangle of body, society and sign

Konstantin L. Bannikov

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow, bannikoff@gmail.com*

Paolo Cianconi

University Cattolica, Rome, Italy, pcianco@gmail.com

Abstract. The article presents a semiotic analysis of the tattooing practices in term of socio-symbolic communications. The author compares the social, religious, informational aspects of tattoos in archaic, traditional and modern communities. The social meanings of the signs and symbols are analysed in the representation and self-identification practices.

Divers levels of interactions of personality and society are studied. Questions are raised about the semantic meanings of the statement in the field of sociality and asociality, polysemantics and monosemantics.. The article is based on an impromptu survey conducted by the author, the informational occasion for which was a conflict between a French kindergarten teacher who almost completely covered his body with a tattoo, and his employer.

Keywords: tattoo, body, sign, personality, society, right, norm, deviancy, polysemantics, conflict

For citation: Bannikov, K.L. and Cianconi, P. (2022), "Tattoo. The conflict triangle of body, society and sign", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 1, pp. 91–109, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-1-91-109

В сентябре 2020 г. в социальных сетях всего мира обсуждалась новость о перспективе увольнения 35-летнего Сильвена Элайна, мужчины, работавшего воспитателем детского сада во французском городе Палезо. Он в 27 лет увлекся татуировкой и за восемь лет настолько в этом преуспел, что полностью покрыл узорами свое тело, включая лицо, язык и белки глаз¹. Своей внешностью он напугал трехлетнего ребенка, что стало причиной его увольнения из детского сада. Эта просьба, исходившая от родителей и администрации, вызвала оживленную дискуссию в разных

¹ *Азалакова Ж.* Самый татуированный человек во Франции работает школьным учителем [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2020-11-06/396281-samyu_tatuirovannyu_chelovek_vo_frantsii_rabotaet_shkolnym_uchitelem (дата обращения 17.11.2021).

Рис. 1. Сильван Элайн демонстрирует татуированные глаза

Источник: [www.instagram.com / freakyhoody](https://www.instagram.com/freakyhoody)

Фото ©: AFP – Agence France Presse, photographers on Instagram
and from the global AFP wire, www.afp.com, [@afpphoto](https://twitter.com/afpphoto)

странах мира². В самой же Франции уволить человека, имеющего полноценный рабочий контракт, практически невозможно, поэтому Сильван продолжил карьеру учителя: в своей школе ему разрешили преподавать детям старше 6 лет. В своем профиле инстаграма – Instagram/freakyhoody – он идентифицирует себя как «самого татуированного учителя в мире».

В этой истории мы увидели информационный повод для дискуссии. В Фейсбуке в сентябре 2020 г. мы опубликовали эту новость как выявляющую проблему конфликта общества и личности и пригласил всех желающих высказаться в произвольной форме по следующему кругу вопросов, предложенных в порядке ориентиров:

1. Как вы считаете, справедливо ли его уволили? Видите ли вы в этом решении администрации нарушение права личности на свободу самовыражения?

2. Должны ли существовать запреты на татуировки в некоторых профессиях?

² Курбатова А. Не надо пугать детей своими страхами. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c5e063a660e3700af2fdb93/ne-nado-pugat-detei-svoimi-strahami-5fa96ff672bf936f477c9e85> (дата обращения 17.11.2021).

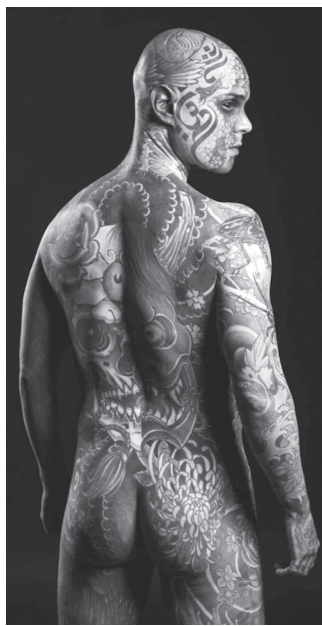
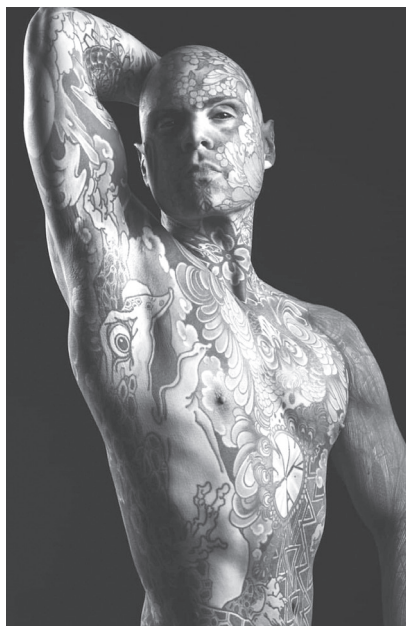
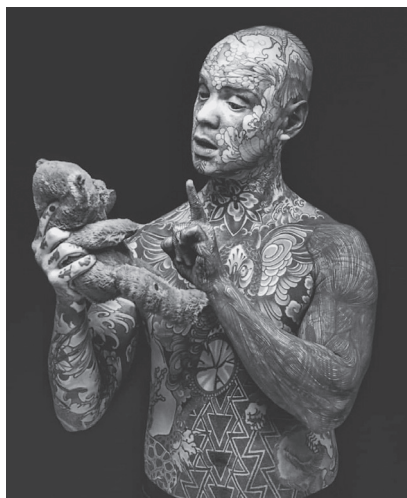

Рис. 2. Сильван Элайн демонстрирует татуированное тело

Источник: [www.instagram.com / freakyhoody](https://www.instagram.com/freakyhoody)

Фото ©: [@awenphoto](https://www.awenphoto.fr), www.awenphoto.fr

3. Как лично вы относитесь к татуировкам? Есть ли у вас татуировки? Хотели бы их сделать? Есть ли они у ваших друзей и родственников? У многих ли?

4. Сколько процентов от поверхности тела, на ваш взгляд, эстетически допустимо покрывать татуировками?

5. Поддержите ли своего ребенка, если он захочет сделать татуировку? С какого возраста, на ваш взгляд, человек может самостоятельно принимать это решение?

6. Что такое татуировка, на ваш взгляд, – украшение? форма самовыражения? мировоззренческий код? знак индивидуальной идентичности, социальной принадлежности или независимости от этико-эстетических ограничений общества? способ перезагрузить судьбу? иное?

Всего собралось около четырехсот ответов, от кратких оценочных реплик до развернутых аргументированных суждений – от горячего одобрения до однозначного отрицания. Респонденты в основном полемизировали друг с другом благодаря формату открытой дискуссии, мы же ограничились функцией модератора, изредка задавая уточняющие вопросы по существу реплик дискуссантов, и собственную точку зрения не высказывали, но всегда благодарили за любой ответ, поддерживая формат разговора. В ходе опроса и дискуссии респонденты затронули множество различных, в том числе неожиданных, аспектов проблемы отношения тела, знака, личности, общества. Наибольшие разногласия вызвала тема права личности на самовыражение: имеет ли человек право самовыражаться любыми способами в любом обществе, или это право должно быть в некоторых ситуациях – например, профессиях, – ограничено.

Наибольшее единодушие собеседники проявили при ответе на вопросы шестого пункта нашего вопросника. Практически все комментаторы сходились во мнении, что, помимо разных причин сделать себе татуировку, пожизненный рисунок на теле должен рассматриваться в системе мировоззренческих кодов, а также активной семиотической системы, способной влиять на конфигурацию отношений человека с другими людьми, на позицию его в обществе и даже на то, что в рекламе оккультных услуг называется «очистить карму» или «перезагрузить судьбу». И здесь мы сталкиваемся с восприятием татуировки нашими современниками в качестве магического инструмента – восприятия сложности и непредсказуемости мира в контексте смутного чувства «сакрального», отличающегося от первобытного восприятия именно неотчетливостью, поскольку в архаических и традиционных культурах такие практики были четко осознаны и, в контексте традиции, институализированы. Явления, выхолощенные из осознаваемых сфер

нормативной культуры, оставляют когнитивным энергиям бессознательные каналы реализации.

В когнитивных, а значит, знаково-символических областях культуры осознаваемое, равно как и бессознательное отношение человека к реальности, основано на семиотической многомерности, в которой существо не равно сущности, человек не равен телу, а предмет не равен смыслу. К полисемантическому расширению физических явлений применимо понятие «эйдос» как способ организации бытия или объекта, конкретизации абстрактного, осознания бессознательного и прояснения «смутных чувств». Чернила, организованные в знаки и символы, перестают быть кляксами на теле по мере открытия в них семантических значений, среди которых можно увидеть широкий спектр социально-нормативных аспектов татуирования: от права на демонстрацию собственного тела до права на созерцание чужого с правом по-разному интерпретировать увиденное – от восхищения, обожествления, подражания до отвращения, остракизма, насилия.

«Отвечать за наколку»

В криминальных и лагерных сообществах традиционного типа – в том смысле, в котором механическая консолидация, по Эмилю Дюркгейму, вызывает органическую самоорганизацию в виде криминально-лагерной традиции [Дюркгейм 1995], – правило «отвечать за наколку» аналогично санкциям за поддельные документы со стороны государства. Татуировка в традиционных сообществах является знаком права и справедливости в отношениях человека и общества.

Первым вопросом нашей дискуссии относительно этого новостного повода был такой: «Было ли увольнение Сильвана за его татуировку справедливым?» 48% респондентов ответили на него однозначно: «за татуировки, какими бы они ни были, увольнять нельзя ни при каких обстоятельствах». Радикальные ответы резко осуждают тех, кто думает иначе, называя всех, кто против тотально татуированных воспитателей в детских садах, «людьми с обгрызенными мозгами»; толерантные респонденты в этом сегменте «понимают, что такой вид может шокировать», но при этом требуют от администрации и родителей толерантности, понимания и принятия права личности на такую форму самовыражения. 52% высказали мнение, что решение об увольнении было обоснованным, но спектр этих ответов также простирается от отчетливо негативных («невротичу, отрицающему себя, не место в детском учебном заведении») до содержащих элемент толерантности («мы,

конечно, признаем право личности на самовыражение, но в некоторых профессиях тотальное покрытие тела татуировками не отвечает целям и задачам»). При этом не было ни единого высказывания о том, что подобные формы самовыражения не имеют права на существование, и в целом реакция всех наших респондентов отличается высоким уровнем принятия, понимания, одобрения, что можно объяснить не только особенностью аудитории наших соцсетей, преимущественно либеральных умонастроений. Во всем мире на протяжении последних тридцати лет наблюдается стремительный рост популярности татуировок – с 4–6% в 1989 г. взрослого населения до 25% в 2015 г., по наблюдениям исследователей, специально занимающихся этой проблемой³. Эти данные совпадают и с личными включенными наблюдениями автора, имевшего возможность видеть тысячи голых тел и в коллективных солдатских банях в годы службы в Советской армии в 1987–1989 гг., и на пляжах Тирренского, Адриатического, Лигурийского, Эгейского, Балтийского, Черного и Обского морей в период с 1990 по 2021 г. Наблюдая за изменением, мы заметили, во-первых, прогрессирующий рост общего числа тел с татуировками, во-вторых, рост количества покрытых на 50% и более, а также татуированных лиц.

Между «либерализмом» и «консерватизмом»

Слова «либерализм» и «консерватизм» здесь используются не как политические термины, но в качестве метафор умонастроений, в которых ультралиберальным взглядам на право человека не иметь границ и пределов в правах и свободах оппонирует консервативный или, скорее, культурно-нормативный взгляд на границы самовыражений.

Столь взрывной рост популярности внесистемных татуировок во всем мире может быть, на наш взгляд, связан только с глобальными изменениями в восприятии людьми собственных тел, точнее, с глобализацией восприятий телесности. Дело в том, что за последние примерно тридцать лет множество людей вышло за пределы национальных традиций и этнических и социальных регламентаций. В этом видится макроисторический тренд глобальной либерализации. Современные жители стран Запада впервые в истории переживают такое состояние, когда ни одна из систем – ни партия, ни церковь, ни правительство, ни общество, ни традиция – вроде бы

³ Воробьева Е.С. Татуирование как объект социологического исследования: Теоретико-методологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2018. С. 25.

уже и не претендуют на тело индивида, и человек впервые остался наедине с собственной телесностью и с полным на то правом заявляет: «Мое тело – мое дело».

С другой стороны, наше время, отличающееся в силу глобальности синхронных телекоммуникаций мгновенной проницаемостью для деструктивных новостей (сообщения о конструктивной норме не являются новостями), – это время тотально-глобальных неврозов, пронизывающих информационные поля и вызывающих у особо чувствительных людей бессознательное желание отгородиться от негативной информации посредством психологических защит и обезопасить себя посредством оберегов. Так или иначе, но взрывной рост популярности на ненормативные татуировки совпадает с эпохой возникновения Интернета и растет по экспоненте его развития.

Как следует из дискуссии, инициированной нами в Фейсбуке, современное либеральное сообщество оставляет за индивидом право на тело. Наиболее радикальные либералы требуют от общества и работодателя безоговорочной капитуляции перед личностью в принятии всех форм ее самовыражения. Так, один из респондентов пишет: «С тех пор я, лидер скаутов, фанат всех видов самовыражения, группового и индивидуального, за исключением наносящего вред, который может быть признан таковым в судебном порядке. А парнишке – удачи, надеюсь, он отсудит себе хорошую сумму и найдет нового работодателя с менее обгрызенными мозгами»⁴.

Это весьма характерное с точки зрения либерализма высказывание: в тотальном покрытии себя татуировками комментатор видит исключительно форму «не наносящего вред самовыражения» и относит к «обгрызенным мозгам» тех, кто в этом сомневается, в частности лишая работодателя и родителей права на выбор педагогов для маленьких детей. С такой точки зрения общество и работодатели обязаны принимать личность такой, «какая она есть», в любых проявлениях ее индивидуальности. Как соотносятся многочисленные и общеизвестные примеры людей, предпринимающих мучительные попытки избавиться от своих татуировок, с утверждением, что данный вид телесной практики есть «форма самовыражения, не наносящая вред», о том комментатор не сообщает. Не замечать же данную проблему невозможно: знаменитости, избавляющиеся от татуировок, – излюбленная тема желтой прессы и глянцевого журналов⁵.

⁴ Полевые материалы авторов, 2020 г.

⁵ Cosmopolitan 2021. Cosmo.ru. Стереть память: звезды, которые свели тату [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cosmo.ru/beauty/>

Наш опрос выявил полярно разные мнения. Консервативная часть общества склонна видеть в тотально татуированных людях психически нездоровых, либеральная общественность видит когнитивную патологию в самом консерватизме. При этом, выступая за право отдельной личности на свободу самовыражения, носители «либеральной» системы ценностей отказывают другим личностям в праве на свободу восприятия. Хотя речь идет об общественном договоре: общество признает право личности на самовыражение, личность признает за обществом право нормирования межличностных отношений. Соискатель рабочего места вправе искать его в любых профессиональных сферах, работодатель вправе производить набор персонала на конкурсной основе, принимая более подходящих и отказывая неподходящим претендентам.

Либеральная часть дискуссионтов, заявляющая о недопустимости увольнения, замечает, что увольнение оправданно только в том случае, если оно связано с профессиональным несоответствием, а внешний вид учителя к его профессиональным качествам, как они утверждают в своих репликах, отношения не имеет – «лишь бы преподавал хорошо». Консервативная часть опрошенных утверждает, что внешний вид учителя является неотъемлемой частью его профессиональных качеств, поскольку задает детям, особенно дошкольного возраста, основы мировосприятия. Некоторые из моих респондентов отдельно отмечают, что татуированные глаза учителя мешают детям установить визуально-эмоциональный контакт, необходимый для усвоения предмета, особенно в столь раннем возрасте; это дает в принципе повод сомневаться в преподавательском профессионализме Сильвана, хотя и требует дополнительного уточнения. Либеральные респонденты заявляют, что следует спрашивать мнение детей, а не родителей. Очевидно, солидарность с детьми – признак либерализма, солидарность с родителями – консерватизма. Дети требуют свободы, родители требуют контроля. Так устроен мир.

Синхронизация знака и тела в пространстве и времени

Информационная теория культуры рассматривает типы этносоциальных образований с точки зрения соотношения синхронных и диахронных потоков культурно-значимой информации [Арутюнов 1989]. Этот подход применим к любому социальному уровню репродукции культурных идеологий, вплоть до индивида.

star_beauty/steret-pamyat-zvezdy-kotorye-sveli-tatu-posle-rasstavaniya-slyubimymi/amp/ (дата обращения 17.11.2021).

Либерализм, возводя права человека в культ личностей и требуя признания легитимности всех форм самовыражения, формирует область гуманитарных противоречий [Кириленко и др. 2019, с. 41]. Личность в своих потребностях в любом возрасте представляется абсолютной, мысли о динамике личностного роста, о развитии личности, тем более о том, что личность может быть незрелой, инфантильной и в своем самоутверждении самодеструктивной, т. е. нуждающейся в контроле, отметаются как нечто косное, непрогрессивное, несовременное, и такие умонастроения переформируют современные правовые системы в архаичные модели правового морализма. «В условиях глобализации правовой морализм в западных теориях права фактически легитимирует возможность компетентного национального суда по своему усмотрению решать, какая норма права устарела, а какая все еще актуальна. При этом всегда открытым остается вопрос о том, какой моралью руководствуется метанаблюдатель, принимающий решение об изменении правового порядка» [Кириленко и др. 2019, с. 47].

Такой подход рассматривает человека, его желания и потребности в репрезентации, в тех же татуировках, как нечто абсолютное, вневременное, лишённое изменчивости и, соответственно, развития, т. е. вычленяет личность из протяженности собственного существования во времени.

Человек синхронный в каждое мгновение видит себя абсолютной сущностью, верифицированной по принципу «здесь и сейчас» по праву осуществленности хроноса и топоса в собственном теле. Человек синхронный не мыслит самого себя в системе изменений и не думает о том, что сейчас он – не тот, кем был вчера, а завтра не будет тем, кем стал сегодня. Человеку синхронному не понятен Августин Аврелий с его диахронной верификацией Бытия:

Не было времени, когда бы Ты не создавал чего-нибудь; ведь создатель самого времени Ты. Нет времени вечного, как Ты, ибо Ты пребываешь, а если бы время пребывало, оно не было бы временем. Что же такое время? Кто смог бы объяснить это просто и кратко? Кто смог бы постичь мысленно, чтобы ясно об этом рассказать? О чем, однако, упоминаем мы в разговоре, как о совсем привычном и знакомом, как не о времени? И когда мы говорим о нем, мы, конечно, понимаем, что это такое, и когда о нем говорит кто-то другой, мы тоже понимаем его слова. Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю. Настаиваю, однако, на том, что твердо знаю: если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени. А как могут быть эти два

времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? и если бы настоящее всегда оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое. Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?⁶

Судя по тому, что никто из наших респондентов не поднимал в дискуссии вопрос об изменчивости человека во времени, в том смысле, будет ли он так же любить и желать те татуировки через десять лет и сохранят ли те же смыслы рисунки для человека в 60, которые он навсегда нанес в 16, синхронное восприятие человека преобладает в системе ценностей современного общества. Вытекающий из этого наблюдения другой вопрос о том, что общество с его нормативной культурой, против которой бунтует инфантильный интеллект в стадии взросления, и является средой реализации свободы личности, а отнюдь не сама личность в облаке собственных комплексов, амбиций, страхов, фобий, которые вовсе не обязательно визуализировать на теле и тем более фиксировать пожизненно.

Эти вопросы не были поставлены в нашей дискуссии, но все адепты серьезных изменений тела и внешности в один голос заявляли о праве детей переходного возраста наносить на себя татуировки по собственному разумению. Некоторые ограничивали свою родительскую функцию созданием условий для жизнеобеспечения и безопасности. Уточняющие вопросы – например, «не пожалеет ли молодой человек, сделавший себе татуировку, впоследствии, когда изменятся его восприятие мира, вкусы и интересы?», «не задумывается ли он о том, какие возможные последствия будут вытекать из его внешнего облика?», «какие проблемы может принести ему наличие этой татуировки?», «не станет ли это для него источником опасности?» – были во всех случаях проигнорированы, притом не без раздражения.

Примеров сожаления о собственных телесных модификациях довольно много. В некоторых случаях они приводили к нервным срывам и самоубийствам⁷. В странах Западной Европы салоны по выведению татуировок уже сегодня являются бизнесом не менее, если не более прибыльным, чем по их нанесению, поскольку желание избавиться от них сильнее желания приобрести, и, по законам

⁶ *Августин А.* Исповедь. М.: Республика, 1992. С. 167.

⁷ *Нефедова Н.* Маска смерти: Zombie Boy найден мертвым. 2018 [Электронный ресурс]. URL: [https:// www. gazeta .ru/lifestyle/ style/2018/08/a_11882107.shtml](https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2018/08/a_11882107.shtml) (дата обращения 17.11.2021).

рынка, это стоит в ряде случаев дороже в разы. «Дойче Велле» сообщает: «Наколоть тату в Германии – удовольствие не из дешевых, цены колеблются от ста евро до тысячи евро – в зависимости от мотива и квалификации мастера. Но куда дороже удалить тату – за это придется выложить от пятисот до пяти тысяч евро. И тем не менее в Кельне, например, желающих избавиться от своих тату становится все больше, а салонов по их удалению уже около десяти»⁸.

Эта проблема была нашими респондентами отмечена лишь несколько раз: «Уговорила шестнадцатилетнего сына подождать до того возраста, когда ему будет разрешено законом употреблять алкоголь, он последовал совету, а потом сказал спасибо».

Многие респонденты связывали допустимость самостоятельного выбора украшения себя татуировками с достижением того или иного вида совершеннолетия: а) формального (18–21 год); б) биологического («когда пубертатные гормоны устаканятся»)⁹; с) экономического («когда начнет сам себя обеспечивать и жить отдельно, а на моей территории – мои правила»)¹⁰. В данном восприятии легитимности татуировок по достижении совершеннолетия многие исследователи видят рудимент архаических инициаций в когнитивных семиотических структурах¹¹.

Антропологи выделяют около двух десятков различных осознанных мотивов для нанесения татуировок¹², психологи рассматривают также и множество бессознательных интенций в спектре от семантической нормы до патологических девиаций личности [Борохов 2018].

Определяя атрибутивные функции феномена татуировки, можно особо подчеркнуть две: идентификация и репрезентация. И то и другое придает татуировкам значение документа. В традиционных и архаических культурах документальное значение татуирования было осознано, отрефлексировано и институализировано. Путешественник Милослав Стингл описывает полинезийского вождя, который назвал собственный портрет «плохим рисунком», затем повторил карандашом на бумаге свой узор на лице со словами «я выгляжу так»¹³. В русских тюрьмах известен идентификационно-репрезентационный принцип «отвечать за наколку». Между

⁸ Вайц В. Немки удаляют татуировки. Почему? 2021 г. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/skolko-stoit-udalit-tatu/a-57275507> (дата обращения 17.11.2021).

⁹ Полевые материалы авторов, 2020.

¹⁰ Полевые материалы авторов, 2020.

¹¹ Воробьева Е.С. Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ Стингл М. Таинственная Полинезия. М.: Наука, 1991.

архипелагами ГУЛАГа и Полинезии в плане социальной функции татуировки, таким образом, нет значительной разницы – и здесь, и там от означающего требуется точное соответствие означаемому. В противном случае несоответствия жизнь, лишенная семантической целостности, означает для члена жестких иерархических сообществ возможность лишиться жизни в прямом значении, для прочих – в переносном, т. е. страдать от беспокойства, фрустрации, чувства потерянности. В архаических культурах с их тотальностью взаимосвязей всех тел, вещей, событий, явлений почти нет места смысловым пробелам.

Человек включен в систему всеохватных социально-символических отношений, следовательно, архаическая практика исключения из этих отношений – остракизм – был вариантом смертной казни. Последующую историю человечества мы представляем себе как освобождение: а) тела от знака и б) знака от тела. В первом случае возникает закон, во втором – искусство. Социальная эволюция есть развитие человека и общества в их отношении к знаку. В архаизме знак есть сущность, и за неправильный знак можно лишиться жизни. В модернизме знак есть текст, он не исчерпывает сущности, но сообщает о ней. В постмодернизме все что угодно есть знак чего угодно, т. е. ничто не имеет смысла или все является смыслом себя. Последнее состояние означающего и означаемого можно назвать «атомизацией».

Семантическая атомизация

Одной из актуальных проблем современности представляется так называемая «атомизация личности», судя по частоте упоминания явления в научной и популярной литературе по различным поводам, но чаще прочих эта проблема возникает там, где исследователи отмечают системный мировоззренческий кризис в том или ином проявлении [Лобазова 2019, с. 5].

Атомизация личности, конечно, не есть разложение ее физического тела на атомы. Личность есть не тело, но информационно-смысловое поле индивидуального сознания в контексте информационно-смыслового поля культуры. Соответственно, под «атомизацией личности» надо понимать выход личности из общего социокультурного контекста, затем и распад ее частного смыслового поля на семантические компоненты и, далее, к битам – «атомам» информации.

Способы конструирования личности могут стать ключом к пониманию отдельных аспектов жизни человека в мире и репрезентации себя по отношению к миру посредством знаков и символов.

Татуировки, как знаки, которые человек наносит на себя, как правило, осознанно и носит на себе – зачастую – пожизненно, можно назвать графически оформленным мировоззренческим кодом личности и ее отношения к этому миру. Значение имеет все – цвет, размер, сюжет, композиция, место нанесения, выбранное для ее демонстрации или, наоборот, для сокрытия.

Времена и нравы не существуют друг без друга. Личность традиционной культуры воспроизводит телесные практики согласно культурно-специфическим нормам. Татуировка в архаических сообществах несет совершенно конкретный смысл, определенный данной традицией. Социальная идентификация личности в обществе является целью нанесения рисунка, и знак как текст имеет смысл тогда, когда адресован тем, кто его может прочитать. Если рисунок что-то значит только лишь для его хозяина и не понятен окружающим, то он, сохраняя психологическое значение, социального значения не имеет. Социальное значение имеет сам факт татуировки, что характерно для восприятия татуировок криминального мира обществом непосвященных – там, где посвященные могут по наколкам прочесть и биографию индивида, и его картину мира, непосвященным очевидно лишь то, что человек принадлежит «миру перевернутому»¹⁴. То же самое можно сказать не только о криминальных, но и о субкультурных татуировках – их смысл лежит в демонстрации принадлежности к группе, их текст понятен членам группы.

Татуировки, призванные подчеркнуть уникальность индивида, его непохожесть ни на кого, несут социальное значение лишь фактом своего присутствия, поскольку их смысл никому, кроме самого уникального индивида, не понятен, да его может и не быть вовсе. Знак репрезентации личности, понятный только самой личности, есть знак ее семантической атомизации, распада общества на «мыслящие атомы», сообщающие друг другу: «Я – не вы». Но больше ничего.

Графическое оформление исключительности, имеющее смыслом декларацию исключенности, имеет семантическую ценность и смысловую многомерность, не выходящую за формат плаката: «Я – исключение». Или еще короче – «Я».

Если в традиционных сообществах принцип «отвечать за наколку» обязывает к соответствию означаемого означаемому, тем самым превращая знак репрезентации в мотиватор социального поведения, то носитель знаков, известных только самому себе, ни к какому соответствию фактом их наличия не обязывается. И это дает ему свободу как в поведении, так и в дальнейшем экспериментировании с графическими отображениями собственной исключи-

¹⁴ *Самойлов Л.* Перевернутый мир. СПб.: Фант, 1993.

тельности, которая, будучи не ограничена внешними социальными, моральными, художественными ограничителями – канонами, традициями, институтами – может быть ограничена только поверхностью тела. Равно как и степенью терпения и толерантности окружающих. И наоборот, знак, понятный и общепринятый в социуме, распространяется в границах социума вне зависимости от своего размера, поскольку пространство семиотической многомерности между означающим и означаемым является пространством социальности.

Внесоциальный знак лишен полисемантики. В знаках, тождественных телам, есть стремление означающего слиться с означаемым, не оставляя места пространству коммуникации. Знак, исчерпавший тело, превращает тело в знак, исчерпавший смыслы.

Эпilog

Тридцать лет тому назад я (К. Б.) участвовал в археологической экспедиции Натальи Викторовны Полосьмак на алтайском плоскогорье Укок, где в 1993 г. мы нашли мумию скифской женщины, частично покрытую татуировками. После премьеры фильма, снятого компанией National Geographic Television “Ice Maiden”, в Институт археологии и этнографии СО РАН стали приходить письма от телезрителей, в первую очередь от американцев, с фотографиями татуировок, которые они сделали, «как у Ice Maiden». Если они посчитали нужным увековечить плоды наших со скифами трудов на своих телах, мы можем испытывать к этим людям симпатию, понимая, однако, что обладание скифской наколкой не делает человека скифом. В лучшем случае – скифоподобным. Сама автор открытия делать себе татуировку не стала, ограничившись разделом «Татуировки» в своей монографии «Всадники Укока» [Полосьмак 2001, с. 228–237], в котором приведен сравнительный анализ пазырыкских нательных образов с аналогичными практиками в культурах других народов мира. Сделанный ею вывод относительно инициации и социализации в традиции татуирования у пазырыкских скифов можно распространить и на все традиционные сообщества: «Таким образом происходило “переоформление” натурального человеческого тела в изобразительный символ племенной мудрости. <...> Возможно, именно татуировка делала пазырыкца принадлежащим к тому сообществу, которое мы называем пазырыкской культурой. Несмываемые образы зверей, столь значимые для культуры, нанесенные на тело в результате мучительной процедуры, делали человека причастным к великим мистическим тайнам общества, его равноправным членом» [Полосьмак 2001, с. 237].

Смысл татуировок нашего героя, как можно предположить, заключается ровно в противоположном: он стремится выделиться из своего общества, при этом требует от общества быть, так сказать, достойным его, Сильвана, его индивидуальной мудрости. В своих многочисленных интервью он рассуждает о косности общества и о своей миссии – нести «варварам» свет новой истины: «Дети, смотря на меня, учатся толерантности. Возможно, благодаря мне дети не вырастут расистами и гомофобами и не будут смотреть на людей с ограниченными возможностями как на чудаков»¹⁵. Таким образом, Сильван, выбравший себе псевдоним «Фрик в капюшоне», заявляет, что тезис «мое тело – мое дело» есть утопия. Тела вне социума не бывает. Тело несет послание. Тело активно влияет на умы и настроения. Тело воспитывает поколения. Фрик возвышается над толпой и заявляет претензию на власть. И толпы в целом оказываются чувствительны к притязаниям фриков [Московичи 2011], из которых порой они творят себе кумиров – медиумов, богов, пророков, героев, или же расправляются с ними жестоко, если фрик не оправдал надежды, либо, как в случае Савонаролы, сначала возносят на пьедестал, затем – на эшафот.

В том-то и дело, что наше тело нам не принадлежит. Известный российский философ В. Подорога отметил: «Тело если и существует, то всегда как тело-для-другого, как карта магической географии, как одно из мест, на котором сообщество пишет свои законы» [Подорога 1994]. Декларируя свободу от общества, фрик целиком зависит от общества, от производимого в нем эффекта. Тело – в высшей степени коммуникативный инструмент. Прекрасно, если эти эффекты помогают ему в его других профессиях – актера, модели, шоумена. Но праздник заканчивается. Клоуны в цирке, артисты в театре – все могут смыть грим. Сильван свои татуировки смыть не сможет. Как артист, он имеет полное право давать представление, но и зритель имеет право уйти со скучного спектакля, не дожидаясь антракта. Как учитель, он может давать свой урок, но ученикам свойственно сбегать с надоевших уроков. Если он считает себя человеком, имеющим высокую миссию, он имеет право на проповедь, но и толпа вольна принимать ее или отторгнуть.

Одна из участниц нашего опроса довольно точно сравнила визуальное послание с аудиальным. Демонстрировать такое тело в обществе, тем более в аудитории учеников, все равно, что в общественном месте слушать назойливую громкую музыку или всегда

¹⁵ *Димитриади М.* Самый татуированный человек Франции – школьный учитель. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.euronews.com/amp/2020/09/24/france-most-tattooed-man> (дата обращения 17.11.2021).

при общении кричать¹⁶. Картина может быть криком, даже если ее написал не Мунк. Тело Сильвана для многих видящих его словно бы «кричит». Возможно, это кричит его душа [Курбатова 2020], и он заслуживает сострадания.

В семиотическом регистре Сильван – персонаж трагичный дважды: с одной стороны, он сетует на то, что его внешность вызывает негативную реакцию, что посторонние люди при встрече с ним опускают глаза в пол вместо того, чтобы с ним поговорить и понять, какой он хороший. Он упрекает общество, но требует его признания, если не любви. Его коммуникативная проблема заключается в том, что, создав себе такой облик, он визуально о себе уже все сказал и даже словно бы «прокричал», но ведь продолжать разговор с тем, кто кричит, хочется не очень многим. С другой стороны, в своих интервью Сильван настаивает, что людей пугает он только при первой встрече, а потом, когда в процессе разговора собеседникам открывается его умная, тонко организованная натура, то никто на его внешность не обращает внимания. Если и в самом деле не обращает, то с таким трудом и затратами нанесенные на его коже «знаки личности», получается, теряют значение в момент открытия самой личности – его внутренних качеств. Стало быть, все эксперименты с внешностью были семантически ничтожны, усилия модификации – в общем-то напрасны, и сама телесность в контексте амбиций оборачивается признаком призрака, «как тела уступка душе»¹⁷.

Благодарности

Работа К.Л. Банникова проведена в рамках плана научно-исследовательской работы (НИР) в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022 г.

Acknowledgements

The article is published in accordance with the plan of research work of K. Bannikov at the N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2022.

¹⁶ Полевые материалы авторов, 2020.

¹⁷ Бродский А.И. Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова // Искусство. 2015. № 4 (595). С. 30–35.

Литература

- Арутюнов 1989 – *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
- Борохов 2018 – *Борохов А.Д.* Многоосевая классификация татуировок для интегральной оценки проявления психопатологии личности носителя // Медицинская психология в России. 2018 . Ч. 1. № 1 (48). С. 149–169; Ч. 2. № 3 (50). С. 131–157.
- Дюркгейм 1995 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1995. 430 с.
- Кириленко и др. 2019 – *Кириленко В.П., Алексеев Г.В., Пацек М.* Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 1. С. 38–54.
- Курбатова 2020 – *Курбатова А.* Не надо пугать детей своими страхами. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c5e063a660e3700af2fdb93/ne-nado-pugat-detei-svoimi-strahami-5fa96ff672bf936f477c9e85> (дата обращения 11.11.2021).
- Лобазова 2019 – *Лобазова О.Ф.* Социология и психология религии: Религиозное сознание в России. М.: Юрайт, 2019. 196 с.
- Московичи 2011 – *Московичи С.* Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 480 с.
- Подорога 1994 – *Подорога В.С.* Эйзенштейн и кинематограф насилия: Лицо и взгляд: Правила раскроя // Искусство кино. 1994. № 6. С. 300–311.
- Полосьмак 2001 – *Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

References

- Arutyunov, S.A. (1989), *Narody i kultury: razvitie i vzaimodeistvie* [Nations and Cultures. Development and Interaction], Nauka, Moscow, Russia.
- Borokhov, A.D. (2018), “Multiaxial classification of tattoos for integral evaluation of the bearer’s personality psychopathology indication”, *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, part 1, vol. 48, no. 1, pp. 149–169; part 2, vol. 50, no. 3, pp. 131–157.
- Durkheim, E. (1995), *O razdelenii obschestvennogo truda* [The division of labor in society], Kanon, Moscow, Russia.
- Kirilenko, V.P., Alekseev G.V. and Patsek M. (2019), “Natural Law and the Crisis of the Liberal Public Order”, *Vestnik SPbGU. Pravo*, vol. 10, issue 1, pp. 38–54.
- Kurbatova, A. (2020), *Ne nado pugat detei svoimi strakhami* [Don’t scare children with your fears], available at: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c5e063a660e3700af2fdb93/ne-nado-pugat-detei-svoimi-strahami-5fa96ff672bf936f477c9e85> (Accessed 11 Nov. 2021).
- Lobazova, O.F. (2019), *Sotsiologiya i psikhologiya religii. Religioznoe soznanie v Rossii* [Sociology and psychology of religion. Religious consciousness in Russia], Urait, Moscow, Russia.

- Moscovici, S. (2011), *Vek tolpy. Istoricheskii traktat po psichologii mass* [The age of crowds], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Podoroga, V.S. (1994), "Eisenstein and the cinema of violence. The face and the look. Cutting rules", *Iskusstvo kino*, no. 6, pp. 300–311.
- Polosmak, N.V. (2001), *Vsadniki Ukoka* [The Ukok riders], Infolio-press, Novosibirsk, Russia.

Информация об авторах

Константин Л. Банников, доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; bannikoff@gmail.com

Паоло Чианкони, доктор медицинских наук и неврологии, антрополог, Католический университет, Рим, Италия; ASL Rm1 C.C. Regina Coeli Via della Lungara, 2900165, Roma, Italy. pcianco@gmail.com

Information about the authors

Konstantin L. Bannikov, Dr. of Sci. (History), Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; 119334, bld. 32 A, Leninsky Av., Moscow, Russia; bannikoff@gmail.com

Paolo Cianconi, MD (Psychiatry), PhD (Neurology), anthropologist, University Cattolica, Rome, Italy; ASL Rm1 C.C. Regina Coeli Via della Lungara, 2900165, Roma, Italy; pcianco@gmail.com